

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

Иоакимо - Анновского храма Можайского благочиния Московской епархии РПЦ
"Глаголь"

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Рождество Христово, фреска. Каппадокия

Слава Тебе, Господи! И еще дождались мы светлых дней Рождества Христова: повеселимся же теперь и порадуемся. Св. Церковь нарочно для того, чтоб возвысить наше веселие в эти дни, учредила перед ними пост – некоторое стеснение, чтобы вступая в них, мы чувствовали себя как бы исходящими на свободу.

При всем том Она никак не хочет, чтобы мы предавались услаждению только чувств и одним удовольствиям плотским. Но исстари, наименовав эти дни святками, требует, чтобы самое веселие наше в течение их было свято, как они святы.

А, чтобы не забылся кто, веселясь, она вложила в уста нам краткую песнь во славу родившегося Христа, которою остепеняет плоть и возвышает дух, указывая ему достойные дней этих занятия: «Христос рождается – славите» и проч.

Славьте же Христа, и славьте так, чтоб этим славословием усладились душа и сердце, и тем заглушился позыв ко всякому другому делу и занятию, обещающему какую-либо утеху.

Славьте Христа: это не то, что составляйте длинные хвалебные песни Христу, нет; но если, помышляя или слушая о рождестве Христа Спасителя, вы невольно из глубины души воскликнете: слава Тебе, Господи, что родился Христос! – этого и довольно; это будет тихая песнь сердца, которая пройдет, однако же, небеса и войдет к Самому Богу. Воспроизведите немного пояснее то, что совершено для нас Господом – и вы увидите, как естественно ныне нам такое воззвание.

Чтоб это было для нас легче, приравняем к этому следующие случаи. Заключенному в темнице и закованному в узы царь обещал свободу... Ждет заключенный день – другой, ждет месяцы и годы... не видит исполнения, но не теряет надежды, веря цареву слову.

Наконец, показались признаки, что скоро-скоро, внимание его напрягается; он слышит шум приближающихся с веселым говором: вот спадают запоры и входит избавитель... Слава Тебе, Господи! восклицает невольно узник. Пришел конец моему заключению, скоро увижу свет Божий!

Другой случай: больной покрытый ранами и расслабленный всеми членами, переиспытал все лекарства, и много переменил врачей; терпение его истощилось, и он готов был предаться отчаянному гореванию. Ему говорят: есть еще искуснейший врач: всех вылечивает и именно от таких болезней, как твоя; мы просили его – обещал прийти.

Больной верит, возникает к надежде и ждет обещанного... Проходит час, другой, более – беспокойство снова начинает точить душу его... Уже под вечер кто-то подъехал... идет... отворилась дверь, и входит желанный... Слава Тебе, Господи! вскрикивает больной.

Вот и еще случай: нависла грозная туча; мрак покрыл лицо земли; гром потрясает основания гор и молнии прорезывают небо из края в край: от этого все в страхе, словно настал конец мира. Когда же потом гроза проходит и небо проясняется, всякий, свободно вздыхая, говорит; Слава Тебе, Господи!

Приблизьте эти случаи к себе и увидите, что в них вся наша история. Грозная туча гнева Божия была над нами, – пришел Господь-Примиритель и разогнал эту тучу. Мы были покрыты ранами грехов и страстей – пришел Врач душ и исцелил нас... Были мы в узах рабства – пришел Освободитель и разрешил узы наши... Приблизьте все это к сердцу своему и воспримите чувствами своими, и вы не удержитесь, чтоб не воскликнуть: слава Тебе, Господи, что родился Христос!

Не усиливаюсь словами моими привить к вам такую радость: это недоступно ни для какого слова. Дело, совершенное родившимся Господом, касается каждого из нас. Вступающие в общение с Ним приемлют от Него свободу, врачевство, мир, обладают всем этим и вкушают сладость того.

Тем, которые испытывают это в себе, незачем говорить: «радуйтесь», потому что они не могут не радоваться, а тем, которые не испытывают, что и говорить: «радуйтесь»; они не могут радоваться. Связанный по рукам и по ногам, сколько ни говори ему: «радуйся избавлению» – не возрадуется; покрытому ранами грехов откуда придет радость уврачевания? Как вздохнет свободно устрашаемый грозою гнева Божия? Таким можно только сказать: «пойдите вы к Младенцу повитому, лежащему в яслях, и ищите у Него избавления от всех обдергающих вас зол, ибо этот Младенец – Христос Спас мира». Желалось бы всех видеть радующимися именно этою радостью и нехотящими знать других радостей, но не все сущие от Израиля – Израиль. Начнутся теперь увеселения пустые, буйные, разжигающие похоти: глазерство, кружение, оборотничество.

Любящим все это сколько ни говори: «укротитесь», они затыкают уши свои и не внемлют – и всегда доведут светлые дни праздника до того, что заставят милостивого Господа отворотить очи Свои от нас и сказать: «мерзость Мне все эти празднества ваши!» И действительно, многие из наших увеселений общественных воистину мерзость языческая, то есть, одни прямо перенесены к нам из языческого мира, а другие, хотя и позже явились, но пропитаны духом язычества. И как будто нарочно они изобретаются в большем количестве в дни Рождества и Пасхи.

Увлекаясь ими, мы даем князю мира – мучителю своему, противнику Божию, повод говорить к Богу: «Что сделал Ты мне Рождеством Своим и Воскресением? Все ко мне идут!» Но да проносятся чаще в глубине сердца нашего слова 50-го псалма: «Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем»... Нас увлекает просвещенная Европа... Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли.

Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее. А теперь, кажется, начал уже забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это не пустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что Бог поругаем не бывает; и ведая это, веселитесь и радуйтесь в эти дни со страхом. Освятите светлый Праздник святыми делами, занятиями и увеселениями, чтоб все, смотря на нас, сказали: у них святки, а не буйные какие-нибудь игрища нечестивцев и развратников, не знающих Бога.

Святитель Феофан Затворник

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ИСТОРИИ ОДНОГО УРАЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ

«Где наш Мишенька?»

Осенью, когда пожелтевшая листва осыпала обитель, в монастырь приехали гости: мама, папа и сын лет четырнадцати. Родителям нужно было отправляться в длительную командировку, а оставить мальчика с бабушкой они боялись. Дело оказалось вот в чём: сыночек всё время проводил за компьютером, отказываясь от сна и еды. С трудом родители отправляли его в школу, а он и оттуда ухитрялся сбежать к единственной своей радости – компьютеру. На бабушку надежды не было никакой: она смотрела сериалы и жила большей частью приключениями их героев.

Фото: Андрей Федосеев

Вот так в обители оказался Миша – худой и долговязый, с потухшими глазами и нездоровой бледностью. Он с ужасом оглядывал далёкий от цивилизации монастырь, и в глазах его таилась недетская тоска: здесь не было любимого компьютера.

Игумен Савватий внимательно выслушал родителей, посмотрел на тоскующего Мишу и разрешил оставить мальчишку в обители на время их командировки. Школа находилась в десяти километрах, и туда уже возили двух школьников – детей иерея, жившего рядом с монастырём.

Первые два дня Миша пребывал в шоковом состоянии. На вопросы отвечал коротко и угрюмо и, видимо, вынашивал мечту о побеге. Постепенно стал оживать. А потом подружился с послушником Петром. Петя был в монастыре самым младшим, пару лет назад он окончил школу. И теперь роль наставника юношества грела ему душу. Он великодушно покровительствовал Мише, а иногда увлекался и сам резвился как мальчишка наравне с подопечным. А инок, отец Валериан, за послушание присматривал за обоими.

После уроков в поселковой школе Миша нёс послушание на конюшне и полюбил монастырскую лошадку Ягодку. Похоже, Ягодка стала первым домашним животным, которое оказалось рядом с Мишей. Ухаживал он за лошадыю, к удивлению братии, с нежностью. И так они полюбились друг другу, что через пару недель Миша и Пётр по очереди лихо объезжали монастырь верхом на Ягодке, правда, под бдительным присмотром отца Валериана.

Незаметно в обитель пришла зима. А зима здесь была самой настоящей – не такой, как зима в городе. Здесь, в глуши, на Митейной горе, не было неоновых реклам и блестящих витрин, не было городской суеты и растаявшего грязного снега под ногами.

Может, поэтому звёзды в синих зимних сумерках здесь светили необычно ярко, белые тропы поражали чистотой, а тёмная зорька года освещалась только светом окон братских келий. Морозы и ветры, снега и метели стучали в двери иноков, и тогда огонь в печах трещал спокойно и ласково, соперничая с непогодой.

После послушания Миша с Петром завели обычай на санках с гор кататься. Петя, правда, смущался поначалу: такой взрослый – и санки... А увидит кто из братии... Насмешек не оберёшься. Но никто из братии и не думал смеяться над ними, и постепенно Пётр увлёкся. Накатаются они, значит, на санках и по звону колокольчика, все в снегу, румяные, весёлые, голодные, – в трапезную.

А там – хоть и пост рождественский, но всё вкусно. Монастырская пища всегда такая, даже если это постные щи или пироги на воде. Готовит братия с молитвой – вот и вкусно. Румяные шанежки картофельные или нежный пирог с капустой, уха монастырская и рыба прямо из печки по воскресным дням – дух от них такой ароматный! А потом кисель клюквенный или брусничный или чай с травами душистый, а к нему сухарики с изюмом...

Старшая братия ела понемногу; схиархимандрит Захария пару ложек щей съест да кусочек пирога отщипнёт. Даже отец Валериан, высоченный, широкоплечий, ел немного. Ну, они давно в монастыре... А Петру и Мише духовник благословил есть досыта. Они и старались.

На Рождество по традиции братия вертеп сделала. Прямо у храма посреди зимнего сугроба – ледяная пещера, освещённая фонариками, в ней деревянные ясли, в яслях настоящее сено, рядом тряпичные лошадка с осликом и, самое главное, – Пресвятая Богородица с Младенцем Христом на полотне.

Особенно хорошо было смотреть на эту пещеру вечером, когда вокруг темно и огромные звёзды ярко переливались в небе. Тогда очаг в вертепе

светил особенно ласково, фонарики притягивали взгляд и разгоняли окружающую тьму.

Ещё ёлку отец Валериан из леса привёз – пушистая такая ёлочка. Миша с Петром шары и сосульки принесли из кладовки, дождик блестящий. Шары – яркие, звонкие – прямо хрустальные. Никогда бы раньше не поверил Миша, что можно ёлку с радостью украшать: это для малышей занятие... А теперь украшал и слушал, как гудит и потрескивает печь в тёплой, уютной трапезной. С кухни доносились чудесные, вкусные запахи, за окнами, покрытыми ледяным узором, стояли белоснежные деревья в инее. Тихо кружились снежинки.

Вечером отец Савватий Мишу с Петей в келью позвал. Это были самые желанные минуты. В келье у батюшки пахнет так чудесно – ладаном афонским, иконы кругом, книги. А уж как отец Савватий начнёт рассказывать про Афон, про горные тропы, про монастыри афонские...

Когда вышли из игуменской кельи, на монастырь уже спускалась синяя ночь. В небе переливались огромные звёзды. Горел огонёк в пещере Рождественского вертепа, и свет его Святых Обитателей освещал дорожку к кельям.

Остановились на минуту у снежной пещеры. Постояли. И Миша вдруг почувствовал необычную полноту жизни, такую, что невозможно передать словами. Он и не смог. Когда Пётр спросил: «Миш, ты чего примолк-то?» – только тихо сказал:

– Знаешь, Петя... А хорошо всё-таки жить на свете!

Испугался, что не поймёт друг, засмеётся, спугнёт настроение. Но Петя понял и серьёзно ответил:

– Да, брат Миша, хорошо... «Я вижу, слышу, счастлив – всё во мне...» Это Бунин, брат...

Приближалось Рождество. Ждали морозов, и после трапезы вся младшая братия возила на санях и на салазках дрова из дровяника в кельи и в трапезную, чтобы на Рождество встретить праздник и отдохнуть, не заботясь о дровах. Все в валенках, телогрейках, ушанках. Работали споро.

Возвращаясь с санками, полными дров, Пётр и Миша застыли, не доходя до кельи: навстречу им торопились Мишины родители. Выглядели они озабоченными. Прошли мимо ребят, лишь головой кивнули – поздоровались, значит.

Миша недоумевал: родители на него не обратили никакого внимания. А те подошли к дровянику, обошли всех трудящихся иноков и поспешили

обратно. Вернулись к застывшим на месте Мише и Петру и остановились рядом. Мама жалобно спросила:

– Отцы иноки, вы нашего Мишеньку не видели? Мишеньку, сыночка нашего?

А папа подтверждающе закивал головой. Миша с Петей переглянулись в изумлении, а мама ещё жалобнее запричитала:

– Да что же это такое?! Отцы дорогие! Не видели ли вы сыночка нашего, Мишу?

И тут наконец к Мише вернулся дар речи. Он смущённо пробасил:

– Мам, ты чего? Это я... Миша...

Пётр внимательно посмотрел на друга: фуфайка, валенки и ушанка до бровей. Но не одежда сделала его неузнаваемым. Вместо бледного, с потухшими глазами мальчишки, приехавшего в монастырь несколько месяцев назад, рядом стоял румяный толстощёкий Миша с живым и радостным взглядом.

Вот такая рождественская история.

«Я и глаз не сомкнул»

На Рождество приехали в обитель гости. Гостиница была переполнена, и одного из гостей, Володю, благословили переночевать в келье отца Валериана, которого он и приехал навестить. Поставили Володе раскладушку.

Перед сном отец Валериан предупредил гостя:

– Я иногда храплю во сне. Ты меня толкни, если что.

На том и порешили. Настала ночь. Отец Валериан сразу звучно захрапел. Володя не успел ещё заснуть, а теперь уже не смог бы. Он посвистел – отец Валериан храпеть перестал. Сработало!!! – обрадовался Володя. Но минут через пятнадцать всё повторилось. И снова... и снова...

Утром Володя, не выспавшийся, решил в шутку высказать своё недовольство:

– Кто-то всю ночь так храпел, что я не мог заснуть!

Сонный отец Валериан ему ответил:

– Я-то вообще глаз не сомкнул: кто-то всю ночь свистел!

Дрова для отца Феодора

Старый схимонах отец Феодор был невысоким, худым, но очень деловым. Несмотря на возраст, он в монастыре частенько задавал жару братии:

– Нету у нас порядку в монастыре! Разве так снег убирают?!

Выхватывал лопату из рук какого-нибудь инока и начинал по-своему убирать – качественно! Отца Феодора все знали, но и любили: он ведь не со зла. Однажды молодой иеромонах Симеон решил тайно оказать помощь старичку.

У отца Феодора почти опустела поленница, а за дровами приходилось ходить далеко. Зная щепетильность схимника во всём, отец Симеон ночью на санках тайком привез самые легкие дрова – одно полешко к одному. Наполнив доверху поленницу, с чувством радости от проделанной работы отправился в свою келью.

Утром всех оглушил крик отца Феодора. Выглянув из келий, братия стали свидетелями следующей картины: вся поленница валялась на улице, из коридора вылетали оставшиеся красиво подобранные дрова.

– Это кто ж такие дрова принес?! Всё загородил! А старик убирай! Что за умник! Это же не берёза, а сплошь осина! Не дрова, а непонятно что! Нету порядку в монастыре! – пригвоздил отец Феодор.

Если вы подумали, что отец Симеон обиделся, то слушайте продолжение истории: на следующее утро братия была разбужена громким криком старого схимника:

– Ну вот, берёзовые – это то, что нужно! Наконец-то сообразили! Додумались наконец своей пустой головой! Нет бы сразу всё правильно сделать! Учишь эту молодёжь порядку, учишь – а всё без толку! Нету у нас порядку в монастыре!

Братия качали головами, и только игумен Савватий и схиархимандрит отец Захария улыбались про себя. Они-то хорошо помнили монашеское правило: «Кто нас корит, тот нам дарит. А кто хвалит, тот у нас крадет».

А ещё они знали, что отец Феодор, накричавшись, закроет дверь в келью, а там сразу успокоится, как будто и не принимал на себя вид разгневанного. Успокоится, тихо встанет на свои старые больные колени и будет долго молиться за своего благодетеля и всю монастырскую братию.

«И кому это такую красоту приготовили?»

Как-то под Рождество отец Феодор сильно занемог. Почти 90 лет, вся жизнь в трудах! Братия расстроились, но монахи память смертную всегда хранить стараются, и для отца Феодора заказали гроб и крест.

Иеромонах отец Симеон взял Святые Дары и отправился причащать тяжелобольного. Отец Феодор лежал на постели без движения, глаза закатились – все свидетельствовало о приближении таинства смерти. Отец Симеон соборовал и причастил умирающего капелькой Крови Христовой.

На следующий день во время рождественского праздничного обеда дверь в трапезную с грохотом распахнулась. На пороге стоял живёхонький отец Феодор! Ни следа не осталось от вчерашней смертельной немощи!

А по дороге в трапезную он заметил новенький гроб, который сох на зимнем солнышке. Гроб был красивой работы: монастырский рабочий Петя, золотые руки, придумал его резьбой украсить – для отца Феодора всё-таки! Отцу Феодору очень понравилась резьба.

– И кому это такую красоту приготовили? – входя, громко спросил он у братии.

Как отец Феодор к трапезе готовился

Отец Феодор перенёс два инфаркта, но был ещё довольно бодрым для своего 90-летнего возраста. Вот только жёсткое он жевать уже не мог. И чтобы не портить хлеб, отделяя мякиш от корок, он всегда приходил в трапезную заранее.

Вот и сегодня – ещё и Дионисий с колокольчиком не пробежал по монастырю, а отец Феодор уже сидел чинно на своём месте – к трапезе готовился. Шла Рождественская неделя, братия радовалась, и у отца Феодора тоже настроение было приподнятым. Он крошил хлебные корки в свой суп и счастливо улыбался, поглядывая на нарядную ёлочку в углу трапезной.

Отец Валериан, случайно заглянув в трапезную, увидел отца Феодора и весело спросил:

– Что, отец, корки мочишь?

И отец Феодор радостно покивал головой.

Ольга Рожнёва